Письмо к женщине

— стихи русских поэтов

Письмо к женщине

Николай Алексеевич Некрасов, Николай Михайлович Карамзин, Константин Дмитриевич Бальмонт, Владимир Владимирович Маяковский, Алексей Николаевич Апухтин, Игорь Васильевич Северянин, Федор Иванович Тютчев, Афанасий Афанасьевич Фет, Валерий Яковлевич Брюсов, Александр Александрович Блок, Гавриил Романович Державин, Алексей Константинович Толстой, Осип Эмильевич Мандельштам, Дмитрий Сергеевич Мережковский, Саша Чёрный, Аполлон Александрович Григорьев, Сергей Александрович Есенин, Иван Алексеевич Бунин, Александр Сергеевич Пушкин

Аннотация
Письмо к женщине

Гавриил Державин. 1743–1916
- Невесте

Николай Карамзин. 1766–1826
- Прости

Александр Пушкин. 1799–1837
- Я помню чудное мгновенье.... (к Керн)
- Я вас любил, любовь еще, быть может...
- Няне
- Признание
- Портрет
- Ты и вы
- Вы избалованы природой
- Ек. Н. Ушаковой
- К ***
- Прелестнице
- К Плюсковой
- К Маше
- Дориде
- Красавица перед зеркалом
- «Лизе страшно полюбить...»
- К Е. Н. Вульф
- Анне Вульф
- «Увы, язык любви болтливый...»
- Ее глаза
- «Зачем, Елена, так пугливо...»
- «Подъезжая под Изжоры...»

Калмычке
Отрывок
В альбом кн. А. Д. Абамелек
Красавица
«Зачем я ею очарован…»
«От меня вечор Леила…»
К ***
Массон
Голицыной
К Наталье
К молодой актрисе
Мир восторга
Лиле
Месяц
«Наперсница волшебной старины…»
Ночь (А. Ризнич)
Иностранке
«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем…»
Муза
Разлука
Мечтатель
Княгине Волконской
«Вот Муза, резвая болтунья…»
Алексей Апухтин. 1840–1893
«Безмесячная ночь дышала негой кроткой…»
«Когда так радостно в объятиях твоих…»

Федор Тютчев. 1803–1873
К N. N.
«Вчера, в мечтах обвороженных…»
«И чувства нет в твоих очах…»
«С какою негою, с какой тоской влюбленной…»
Афанасий Фет. 1820–1892
«Снова слышу голос твой…»
«На заре ты ее не буди…»
«Жду я, тревогой объят…»
«Когда читала ты мучительные строки…»
Аполлон Григорьев. 1822–1864
«Я вас люблю… Что делать – виноват…»
Алексей Толстой. 1817–1875
«Средь шумного бала, случайно…»
«Не ветер, вея с высоты…»
«Смеркалось, жаркий день бледнел неулови-мо…»
Николай Некрасов. 1821–1877
«Мы с тобой бестолковые люди…»
Дмитрий Мережковский. 1865–1941
«Я никогда так не был одинок…»
«Потух мой гнев, безумный, детский гнев…»
«Не думала ли ты, что, бледный и безмолв-ный…»
Амалии
Иван Бунин. 1870–1953

«Мы встретились случайно, на углу…»
Константин Бальмонт. 1867–1942
«Она отдалась без упрека…»
«У нее глаза морского цвета…»
К Елене
«О, женщина, дитя, привыкшее играть…»
Нежнее всего
«Женщина с нами, когда мы рождаемся…»
«Ты – шелест нежного листка…»
Пожар
Валерий Брюсов. 1843–1924
Всем
Александр Блок. 1880–1921
«Одной тебе, тебе одной…»
«Она молода и прекрасна была…»
«Луна проснулась. Город шумный…»
«Мы были вместе, помню я…»
«Давно мы встретились с тобою…»
«Помнишь ли город тревожный…»
«Ты была у окна…»
«Завтра в сумерки встретимся мы…»
Две любви
«Она стройна и высока…»
«Она была – Заря Востока…»
«Ей было пятнадцать лет…»
Незнакомка

Снежное вино
«Я был смущенный и веселый…»
«В густой траве пропадешь с головой…»
Ее песни
«Всю жизнь ждала. Устала ждать…»
Встречной
«Твое лицо мне так знакомо…»
«Она пришла с мороза…»
Испанке
Анне Ахматовой
«Когда мы встретились с тобой…»
«Как день, светла, но непонятна…»
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной…»
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь…»
«Я – Гамлет. Холодеет кровь…»
«Я помню нежность ваших плеч…»
«Мне страшно с Тобой встречаться…»
Девушке
Саша Черный. 1880–1932
Ошибка
Гиппиус
Пластика
Сергей Есенин. 1895–1925
«Заметался пожар голубой…»
«Ты такая ж простая, как все…»
«Пускай ты выпита другим…»

«Дорогая, сядем рядом...»
«Мне грустно на тебя смотреть...»
«Ты прохладой меня не мучай...»
«Вечер черные брови насопил...»
«Я помню, любимая, помню...»
«Ты плакала в вечерней тишине...»
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»
«Ты ушла и ко мне не вернешься...»
Моей Царевне
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»
«Сыпь, гармоника! Скука... скука...»
Письмо к женщине
«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»
«Ты сказала, что Саади...»
«Никогда я не был на Босфоре...»
«Я спросил сегодня у менялы...»
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»
«Не криви улыбку, руки теребя...»
«Какая ночь! Я не могу...»
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»
«Руки милой, пара лебедей...»
«Глупое сердце, не бейся...»
«Ну целуй меня, целуй...»
«Голубая кофта. Синие глаза...»
«Самые лучшие минуты...»
Кто я?

«Не гляди на меня с упреком…»
Владимир Маяковский. 1893–1930
Лиличка!. Вместо письма
Отношение к барышне
Люблю
Вместо оды
Письмо Татьяне Яковлевой
Осип Мандельштам. 1891–1938
«Мне жалко, что теперь зима…»
«Мастерица виноватых взоров…»
«Твоим узким плечам под бичами краснеть…»
Игорь Северянин. 1887–1941
«И она умерла молодой…»
Эксцессерка
«Она, никем не заменимая…»
Орхидея
Отличной от других
Колыбель женственности
Маленькая женщина
Поэза тебе

Аннотация

В книге «Письмо к женщине» собраны стихи, пропитанные нежностью и восхищением, которые поэты разных эпох посвящали самым близким и вдохновляющим женщинам в своей жизни. Каждая строчка излучает свет и тепло чувств, передаваемые через чудесные рифмы. Здесь вы найдёте стихи о любви, которая окрыляет и вдохновляет, о сердцах, бьющихся в унисон, и о музах, которые помогали творцам открывать новые горизонты в отечественной поэзии.

Письмо к женщине

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Гавриил Державин
1743–1916

Невесте

Хотел бы похвалить, но чем начать,
не знаю:
Как роза, ты нежна; как ангел, хороша;
Приятна, как Любовь; любезна, как Душа;
Ты лучше всех похвал, – тебя я обожаю.

Нарядом мнят придать красавице приятство.
Но льзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках – улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих – соты благоухают.

Как по челу власы ты рассыпаешь черны,

Румяная заря глядит из темных туч;

И понт как голубой пронзает звездный луч,

Так сердца глубину провидит взгляд твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,

Все прелести твои изобразить хочу?

Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:

Собор в тебе утех, блаженство вижу рая!

Как счастлив смертный, кто с тобой проводит время!

Счастливее того, кто нравится тебе.

В благополучии кого сравню себе,

Когда златых оков твоих несть буду бремя?

1776

Николай Карамзин
1766–1826

Прости

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя!

Мучительно пленяться,
Быть страстным одному!
Насильно полюбиться
Не можно никому.

Не знатен я, не славен, —
Могу ль кого прельстить?
Не весел, не забавен, —
За что меня любить?

Простое сердце, чувство
Для света ничего.
Там надобно искусство —
А я не знал его!

(Искусство величаться,
Искусство ловким быть,

Умнее всех казаться,
Приятно говорить.)

Не знал – и, ослепленный
Любовию своей,
Желал я, дерзновенный,
И сам любви твоей!

Я плакал, ты смеялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской!

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей…
Уже другой владеет
Навек рукой твоей!..

Будь счастлива – покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу – ввек мила!

Во тьме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез горючих,

Желать конца – прости!

1792

Александр Пушкин
1799–1837

Я помню чудное мгновенье... (к Керн)

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:

И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Я вас любил, любовь еще, быть может…

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

1826

Признание

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда

Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

Портрет

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

1828

Ты и вы

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

1828

Вы избалованы природой

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза…
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле

Еще забор не заграждал.

1829

Ек. Н. Ушаковой

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

1827

К ***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на все подъемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно…

1817

Прелестнице

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст, и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет…
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый

Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательную грудь!
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

1818

К Плюсковой

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой

Был эхо русского народа.

1818

К Маше

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет – и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

1816

Дориде

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.

Нет, милая моя не может лицемерить;

Все непритворно в ней: желаний томный жар,

Стыдливость робкая, харит бесценный дар,

Нарядов и речей приятная небрежность,

И ласковых имен младенческая нежность.

1820

Красавица перед зеркалом

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном – и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

1821

«Лизе страшно полюбить...»

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь – может быть,
Это новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдлывыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

1824

К Е. Н. Вульф

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

1826

Анне Вульф

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
Она на щепочку нассыт,
Но и понюхать не позволит.

«Увы, язык любви болтливый…»

Увы! Язык любви болтливый,
Язык неполный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
Иль лицемерную хулу,
Иль клевету, иль заточенье,

И редко хладную хвалу.

1828

Ее глаза

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет – ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

1828

«Зачем, Елена, так пугливо…»

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг… я твой

1829

«Подъезжая под Изжоры...»

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,

Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет… по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

Калмычке

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'e
Галоп не прыгаешь в собранье…
Что нужды? – Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,

Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

1829

Отрывок

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей…

1830

В альбом кн. А. Д. Абамелек

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели – с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

1832

Красавица

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

1832

«Зачем я ею очарован…»

Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнию моей
Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Свою мне ножку подала!

1827–1836

«От меня вечор Леила…»

От меня вечор Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

1836

К ***

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

1818

Массон

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим – но в сотый раз
Слышим твой коварный шепот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,

Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

1819

Голицыной

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замечанный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки…
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умиленьем:
Я славой был обязан ей —
А может быть, и вдохновеньем.

К Наталье

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь назло амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольности – все под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!

Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон,
Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный брак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу… девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею…

И проснулся… вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? – никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я – по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их – дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,

Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь…
Я желал бы… да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? – Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владелец я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

– Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна заграждены,
На лампады там зажжены…
Знай, Наталья! – я… монах!

1813

К молодой актрисе

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой,
Тебе вослед толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.
Ты пленным зрителя ведешь.
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь – и часто невпопад.

А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская ах!
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: «Ах! как хороша!»
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Хлоя, мудрые солгали,
Не все на свете суета.

Пленяй же, Хлоя, красотою!
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет,
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

1815

Мир восторга

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердце упоенье
Внезапно взор встречаю твой,
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой,
Когда в восторге обнимаешь…
Тогда язык немеет мой.
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной,
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и парки роковой.

Лиле

Лила, Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

1819

Месяц

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный завес проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?

И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

1816

«Наперсница волшебной старины…»

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!

Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала…

1822

Ночь (А. Ризнич)

Мой голос для тебя и ласковый и томный

Тревожит поздное молчанье ночи темной.

Близ ложа моего печальная свеча

Горит; мои стихи, сливаясь и журча,

Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.

Во тьме твои глаза блистают предо мною,

Мне улыбаются, и звуки слышу я:

Мой друг, мой нежный друг… люблю… твоя… твоя!..

1823

Иностранке

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

1822

«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...»

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит мир последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поне-

воле!

1827–1836

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой – и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

Разлука

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню все; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне в даль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я – и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною,

Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я все тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю.
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь – невольно призываю,
Заслушаюсь – твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

1816

Мечтатель

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина,
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,

Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сиянье,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтанья,

И тихий, тихий льется глас;
Дрожат златые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный;
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихий час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас

Его не пробуждает.

Пускай ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,

И, горним светом озарясь,
Влетела в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум… обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкий сон
Приходит в мирны сени,
Венчанный маком и склонен
На посох томной лени…

1815

Княгине Волконской

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

1827

«Вот Муза, резвая болтунья…»

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью,
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не удивляйся, милый мой,
Ее израельскому платью
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими опасные стихи.

1821

Алексей Апухтин
1840–1893

«Безмесячная ночь дышала негой кроткой...»

Безмесячная ночь дышала негой кроткой.
Усталый я лежал на скошенной траве.
Мне снилась девушка с ленивою походкой,
С венком из васильков на юной голове.

И пела мне она: «Зачем так безответно
Вчера, безумец мой, ты следовал за мной?
Я не люблю тебя, хоть слушала приветно
Признанья и мольбы души твоей больной.

Но... но мне жаль тебя... Сквозь смех твой в час прощанья
Я слезы слышала... Душа моя тепла,
И верь, что все мечты и все твои страданья

Из слушавшей толпы одна я поняла.

А ты, ты уж мечтал с волнением невежды,

Что я сама томлюсь, страдая и любя...

О, кинь твой детский бред, разбей твои надежды,

Я не хочу любить, я не люблю тебя!»

И ясный взор ее блеснул улыбкой кроткой,

И около меня по скошенной траве,

Смеясь, она прошла ленивою походкой

С венком из васильков на юной голове.

1859

«Когда так радостно в объятиях твоих...»

Когда так радостно в объятиях твоих
Я забывал весь мир с его волненьем шумным,
О будущем тогда не думал я. В тот миг
Я полон был тобой да счастием безумным.

Но ты ушла. Один, покинутый тобой,
Я посмотрел кругом в восторге опьяненья,
И сердце в первый раз забилося тоской,
Как бы предчувствием далекого мученья.

Последний поцелуй звучал в моих ушах,
Последние слова носились близко где-то...
Я звал тебя опять, я звал тебя в слезах,
Но ночь была глуха, и не было ответа!

С тех пор я все зову... Развенчана мечта,

Пошли иные дни, пошли иные ночи...

О, боже мой! Как лгут прекрасные уста,

Как холодны твои пленительные очи!

1859

Федор Тютчев
1803–1873

K N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж…
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости… Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный
Он улетел с твоих младых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

1829

«Вчера, в мечтах обвороженных…»

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном…

Утихло вкруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней…

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой…

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно…

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,

Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836

«И чувства нет в твоих очах...»

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

1836

«С какою негою, с какой тоской влюбленной...»

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг, от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнялось —

И тих и сладок был твой сон.

А днесь… О, если бы тогда тебе приснилось,

Что будущность для нас обоих берегла…

Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,

Иль в сон иной бы перешла.

1837

Афанасий Фет
1820–1892

«Снова слышу голос твой...»

Снова слышу голос твой,
Слышу и бледнею;
Расставался, как с душой,
С красотой твоею!

Если б муку эту знал,
Чуял спозаранку, —
Не любил бы, не ласкал
Смуглую цыганку.

Не лелеял бы потом
Этой думы томной
В чистом поле под шатром
Днем и ночью темной.

Что ж напрасно горячить
Кровь в усталых жилах?
Не сумела ты любить,
Я – забыть не в силах.

1840

«На заре ты ее не буди...»

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.

Не буди ж ты ее, не буди…
На заре она сладко так спит!

1842

«Жду я, тревогой объят…»

Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок…
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты…
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!

1886

«Когда читала ты мучительные строки...»

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря.

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, —
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
«Там человек сгорел!»

1887

Аполлон Григорьев
1822–1864

«Я вас люблю… Что делать – виноват…»

Я вас люблю… Что делать – виноват!
Я в тридцать лет так глупо сердцем молод,
Что каждый ваш случайный, беглый взгляд
Меня порой кидает в жар и холод…
И в этом вы должны меня простить,
Тем более, что запретить любить
Не может власть на свете никакая;
Тем более, что, мучась и пылая,
Ни слова я не смею вам сказать
И принужден молчать, молчать, молчать!..

Я знаю сам, что были бы преступны
Признанья или смысла лишены:
Затем, что для меня вы недоступны,
Как недоступен рай для сатаны.
Цепями неразрывными окован,

Не смею я, когда порой, взволнован,
Измучен весь, к вам робко подхожу
И подаю вам руку на прощанье,
Сказать простое слово: до свиданья!
Иль, говоря, – на вас я не гляжу.

К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы – расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.
Я к ним привык, к мучительным свиданьям…
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку их в душе своей продлить,
Чтоб дольше жить живым воспоминаньем…
Чтоб грезить ночь и целый день бродить
В чаду мечты, под сладким обаяньем
Задумчиво опущенных очей!
Мне жизнь темна без света их лучей.

Да… я люблю вас… так глубоко, страст-

но,
Давно... И страсть безумную свою
От всех, от вас особенно таю.
От вас, ребенок чистый и прекрасный!
Не дай вам бог, дитя мое, узнать,
Как тяжело любить такой любовью,
Рыдать без слов, метаться, ощущать,
Что кровь свинцом расплавленным, не кровью,
Бежит по жилам, рваться, проклинать,
Терзаться ночи, дни считать тревожно,
Бояться встреч и ждать их, жадно ждать;
Беречься каждой мелочи ничтожной,
Дрожать за каждый шаг неосторожный,
Над пропастью бездонною стоять
И чувствовать, что надо погибать,
И знать, что бегство больше невозможно.

1857

Алексей Толстой
1817–1875

«Средь шумного бала, случайно…»

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю…

Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

«Не ветер, вея с высоты…»

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье…

1851

«Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо...»

Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час.

Николай Некрасов
1821–1877

«Мы с тобой бестолковые люди…»

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

1851

Дмитрий Мережковский
1865–1941

«Я никогда так не был одинок...»

Я никогда так не был одинок,
Как на груди твоей благоуханной,
Где я постиг невольно и нежданно,
Как наш удел насмешливо-жесток:

Уста к устам, в блаженстве поцелуя,
Ко груди грудь мы негою полны,
А между тем, по-прежнему тоскуя,
Как у врагов, сердца разлучены.

Мы далеки, мы чужды друг для друга:
Душе с душой не слиться никогда,
И наш восторг, как смутный жар недуга,
Как жгучий бред, исчезнет без следа.

Мне за тебя невыразимо грустно,
Ты тихо взор склонила предо мной,
И, нашу боль скрывая неискусно,
Мой бедный друг, как жалки мы с тобой...

1883

«Потух мой гнев, безумный, детский гнев...»

... Потух мой гнев, безумный, детский гнев:

Все время я себя обманывал напрасно:

Я вновь у ног твоих, – и радостный напев

Из груди просится так пламенно и страстно.

Наперекор всему, в проклятии моем

Тебе, всесильная, одна любовь звучала,

И даже в злобный миг при имени твоем

Мятежная душа от счастья трепетала.

И вот – я снова твой... Зачем таить любовь?

Как будто не о том я день и ночь мечтаю,

Когда и где, и как тебя я повстречаю,

Как будто не тебе отдам я жизнь и

кровь;

Как будто в серой мгле под бременем страданья

Влачу я темный век не для тебя одной;

Когда гляжу я вдаль с улыбкой упованья,

Как будто не тебя я вижу пред собой…

Ты – вдохновение, ты – творческая сила,

Ты – все: полна тобой полуночная тишь,

В благоуханье роз со мной ты говоришь,

И сумрак дней моих ты светом напоила…

1885

«Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный…»

Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный,
Я вновь к тебе приду, как нищий, умолять,
Тобой отвергнутый, тобою вечно полный,
Чтоб ты позволила у ног твоих рыдать?

Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,
Что в милой праздности не все, как ты, живут,
Что где-то есть борьба и мысль, и честный труд
И что пред ними ты – ничто с твоей красою?

Смотри, – меня зовет огромный светлый мир:
Есть у меня бессмертная природа

И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспир!

И думать ты могла, что я томиться буду
Или у ног твоих беспомощно рыдать?
Нет, стыдно пред тобой мне слезы расточать, —
Забудь меня скорей, как я тебя забуду!

О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнева моего, поверь, не заслужила, —
Но если б ты могла понять, какая сила
Была у ног твоих, когда со мной, шутя,
Играла ты в любовь и все потом разбила, —
Тогда лицо твое зарделось бы стыдом,

И над поруганной любовью, над мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты в отчаянье немом
Рыдала бы теперь горючими слезами!

1886

Амалии

Ты – горящий, устремленный,
В темноте открытый глаз.
От руды неотделенный
И невспыхнувший алмаз.

Ты – стесненное ножнами
Пламя острого меча.
Пред святыми образами
Незажженная свеча.

Но не бойся: многоцветный,
Загорится твой алмаз.
Первой бледности рассветной
Не пропустит жадный глаз.

В Змея темного вопьется
Пламя светлое меча,
И пред Господом зажжется
Негасимая свеча.

Ты откроешь ли мне душу,
Как цветок – ночной росе.

Хочешь – сны твои нарушу?
Хочешь – спи и будь как все?

Всем, кто спит, – видений сладость,
Сонный плач и сонный смех,
Но божественная радость
Пробужденья – не для всех.

Ты не можешь? Ты не смеешь?
Берегись же: так уснешь,
Что проснуться не успеешь,
Жизнь без жизни проживешь.

Ты едва открыла очи.
Да иль нет? Ответь. Я жду.
Нет? Ну, что же, доброй ночи,
Спи спокойно. Я уйду.

1907

Иван Бунин
1870–1953

«Мы встретились случайно, на углу…»

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел – и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп, – прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвеял на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом… Была весна…
Она меня простила – и забыла.

1905

Константин Бальмонт
1867–1942

«Она отдалась без упрека...»

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов
– Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила «Не надо»,
Обетов она не ждала.
– Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
– Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

1903

«У нее глаза морского цвета...»

О. Н. Миткеви

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончанья лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильней всего шумит прибой,
И в глазах глубоких, в миг отлива,
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск,
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее – зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,
Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета

Все твердит, взволнованно дыша.
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

1903

К Елене

О Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
И во тьме ты мерцаешь, как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я – твой раб, я – твой брат – и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красиво живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,

Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем луна.

Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

1903

«О, женщина, дитя, привыкшее играть...»

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаньях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе – за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и доб-

рый гений!

1894

Нежнее всего

Твой смех прозвучал, серебристый,
Нежней, чем серебряный звон, —
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признанье во взгляде,
Где счастье желанья зажглось, —
Нежнее, чем светлые пряди
Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема,
Где слитное пение струй, —
Чем песня, что с детства знакома,
Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно
Огнем волшебства своего, —
Нежнее, чем польская панна,
И, значит, нежнее всего.

1899

«Женщина с нами, когда мы рождаемся…»

Женщина – с нами, когда мы рождаемся,
Женщина – с нами в последний наш час.
Женщина – знамя, когда мы сражаемся,
Женщина – радость раскрывшихся глаз.

Первая наша влюбленность и счастие,
В лучшем стремлении – первый привет.
В битве за право – огонь соучастия,
Женщина – музыка. Женщина – свет.

«Ты – шелест нежного листка…»

Ты – шелест нежного листка,
Ты – ветер, шепчущий украдкой,
Ты – свет, бросаемый лампадкой,
Где брезжит сладкая тоска.

Мне чудится, что я когда-то
Тебя видал, с тобою был,
Когда я сердцем то любил,
К чему мне больше нет возврата.

Пожар

Я шутя ее коснулся,
Не любя ее зажег.
Но, увидев яркий пламень,
Я – всегда мертвей, чем камень, —
Ужаснулся
И хотел бежать скорее —
И не мог.

Трепеща и цепенея,
Вырастал огонь, блестя,
Он дрожал, слегка свистя,
Он сверкал проворством змея,
Все быстрей
Он являл передо мною лики сказочных зверей.

С дымом бьющимся мешаясь,
В содержаньи умножаясь,
Он, взметаясь, красовался надо мною и над ней.

Полный вспышек и теней,

Равномерно, неотступно
Рос губительный пожар.
Мне он был блестящей рамой,
В ней возник он жгучей драмой,
И преступно
Вместе с нею я светился в быстром блеске
дымных чар.

Валерий Брюсов
1843–1924

Всем

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты:
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!

Вскрыть сладостный обман мне было больно,
И я молчал, отчаянье тая…
Но на твоей груди лежал безвольно —

Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целуя, —
К другой!

1915

Александр Блок
1880–1921

«Одной тебе, тебе одной...»

Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастия царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!

Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.

Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.

1898

«Она молода и прекрасна была…»

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль…
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь…
Как сердце мое разрывалось!..

1898

«Луна проснулась. Город шумный…»

К.М.С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь все так тихо, там безумно,
Там все звенит, – а мы одни…

Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!

Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости…

1898

«Мы были вместе, помню я…»

Мы были вместе, помню я…
Ночь волновалась, скрипка пела…
Ты в эти дни была – моя,
Ты с каждым часом хорошела…

Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки…

1899

«Давно мы встретились с тобою...»

Давно мы встретились с тобою, —
То было летом. Ночи зной
Манил в аллеи за собою
И звал любить и жить с тобой...

С тех пор прошли года. Забыты
Мгновенья страсти. Чудный свет,
Где мы цвели, далек, – и смыты
Воспоминанья юных лет.

Теперь зима. Дыханье юга
От нас сокрыто хладной мглой,
Но ты, далеких дней подруга,
Манишь, как прежде, за собой...

Возьми меня опять с собою,
Верни утраченное мной
И верь, я буду жить тобою
И умирать с тобой одной!..

1899

«Помнишь ли город тревожный…»

К. М. С.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли…

Шли мы – луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.

Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла…

Помнишь ли город тревожный.
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли…

1899

«Ты была у окна...»

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.
Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперед.
А внизу, у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыхался народ.
Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слыхал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.
Я стоял позабыт

И толпою сокрыт.
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

1900

«Завтра в сумерки встретимся мы…»

Завтра в сумерки встретимся мы.
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти – с прежней зимы
Непонятно тоскливые звуки.

Ты, я знаю, запомнила дни
Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,

Начинают незримо летать
Одинокие искры твои,
Начинаю тебя узнавать
Под напевами близкой любви,

И на миг ты по-прежнему – ты,
Легкой дрожью даешь вспоминать
О блаженстве протекшей зимы,
Отдаленной, но верной мечты,

Под напевом мороза и тьмы
Начинаешь дрожать и роптать,

И, как прежде, мгновенную речь
Я стараюсь во тьме подстеречь...

1902

Две любви

Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути.
Они равно душе желанны,
Но как согласье в них найти?

Несъединимы, несогласны,
Они равны в добре и зле,
Но первый – безмятежно-ясный,
Второй – в смятеньи и во мгле.

Ты огласи их славой равной,
И равной тайной согласи,
И, раб лукавый, своенравный,
Обоим жертвы приноси!

Но трепещи грядущей кары,
Страшись грозящего перста:
Твои блаженства и пожары —
Все – прах, все – тлен, все – суета.

1900

«Она стройна и высока...»

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на все готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она – и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали желтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,

Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

1902

«Она была – Заря Востока…»

Она была – Заря Востока,
Я был – незыблемый гранит.
Но мощным веденьем пророка
Пылал в жару ее ланит.
Ее глубокие пожары
Точили сердце мертвеца.
Казалось – мощные удары
Разрушат камень до конца.
Но, воспылав Ее зарею,
Я воскресал на новый бой
И возносился головою
До самой тучи грозовой.
И там, бежав людского плена,
Свободный, в гордости веков —
Я чуял розовую пену
С Ее любимых берегов.

1902

«Ей было пятнадцать лет...»

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца – невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись – невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —

Мы встретились в храме – в глубокой тишине

Мы поняли, что годы молчанья были ясны,

И то, что свершилось, – свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий

Полна моя душная, песенная грудь.

Из этих песен создал я зданье,

А другие песни – спою когда-нибудь.

1903

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен

И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный

И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

1906

Снежное вино

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вкруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

1906

«Я был смущенный и веселый…»

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся – театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот – опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа…
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа…

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке…
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке…

1906

«В густой траве пропадешь с головой...»

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь – тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой – зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко

мне» —

И опять за травой колокольчик звенит...

1907

Ее песни

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверь ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укроти.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.

На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

1907

«Всю жизнь ждала. Устала ждать…»

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным…

А здесь – какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка…»

Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира…

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепью.

Мой сирый дух – твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью…

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом…

Мечта! Что? жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве…
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя…

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне,
А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.

1908

Встречной

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет…

Твой муж – презрительный эстет.
Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон…

А я… что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!
Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена…

Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг…»,

Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

1908

«Твое лицо мне так знакомо...»

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.

Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?

Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?

Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?

Я приближался – ты сидела,
Я подошел – ты отошла,

Спустилась к речке и запела…
На голос твой колокола

Откликнулись вечерним звоном…
И плакал я, и робко ждал…
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал…

Еще мгновенье – нет ответа,
Платок мелькает за рекой…
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1908

«Она пришла с мороза...»

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до пузырей земли,

О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.
Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

1908

Испанке

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой…
Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль…
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль…
И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам…
Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,
Чтоб неведомый северу танец,
Крик Handa? и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец

Или видевший бога поэт.

1912

Анне Ахматовой

«Красота страшна» – Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.

«Красота проста» – Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать, не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

1913

«Когда мы встретились с тобой…»

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой – черный бред…
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир – жилище бога,
О холоде и об огне.

1914

«Как день, светла, но непонятна...»

Как день, светла, но непонятна,
Вся – явь, но – как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней – всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама

Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

1914

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо

Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1914

«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.

Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,

Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.

Вот почему я – твой поклонник и поэт!

Здесь – страшная печать отверженности женской

За прелесть дивную – постичь ее нет сил.

Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской

Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!

Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!

Вот чьи глаза меня так странно провожали,

Еще не угадав, не зная… не любя!

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,

К созвездиям иным, не ведая орбит,

И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,

Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость…

Все – музыка и свет: нет счастья, нет измен…

Мелодией одной звучат печаль и радость…

Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

1914

«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

1914

«Я помню нежность ваших плеч...»

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности... твоей.

1914

«Мне страшно с Тобой встречаться...»

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму – живут или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты – там.

1902

Девушке

Ты перед ним – что стебель гибкий,
Он пред тобой – что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь – в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда…

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,

Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

1907

Саша Черный
1880–1932

Ошибка

Это было в провинции, в страшной глуши.
Я имел для души
Дантистку с телом белее известки и мела,
А для тела —
Модистку с удивительно нежной душой.

Десять лет пролетело.
Теперь я большой:
Так мне горько и стыдно
И жестоко обидно:
Ах, зачем прозевал я в дантистке
Прекрасное тело,
А в модистке
Удивительно нежную душу!

Так всегда:
Десять лет надо скучно прожить,
Чтоб понять иногда,

Что водой можно жажду свою утолить,

А прекрасные розы – для носа.

О, я продал бы книги свои и жилет

(Весною они не нужны)

И под свежим дыханьем весны

Купил бы билет

И поехал в провинцию, в страшную глушь:

Но, увы!

Ехидный рассудок уверенно каркает: Чушь!

Не спеши —

У дантистки твоей,

У модистки твоей

Нет ни тела уже, ни души.

1910

Гиппиус

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль…

Но в дали я вижу – море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко – над нами – над волнами, —
Как заря над черными скалами —

Веет знамя – Интернационал!

1918

Пластика

Из палатки вышла дева
В васильковой нежной тоге,
Подошла к воде, как кошка,
Омочила томно ноги
И медлительным движеньем
Тогу сбросила на гравий, —
Я не видел в мире жеста
Грациозней и лукавей!

Описать ее фигуру —
Надо б красок сорок ведер…
Даже чайки изумились
Форме рук ее и бедер…
Человеку же казалось,
Будто пьяный фавн украдкой
Водит медленно по сердцу
Теплой бархатной перчаткой.

Наблюдая хладнокровно
Сквозь камыш за этим дивом,

Я затягивался трубкой
В размышлении ленивом:
Пляж безлюден, как Сахара, —
Для кого ж сие творенье
Принимает в море позы
Высочайшего давленья?

И ответило мне солнце:
«Ты дурак! В яру безвестном
Мальва цвет свой раскрывает
С бескорыстием чудесным…
В этой щедрости извечной
Смысл божественного свитка…
Так и девушки, мой милый,
Грациозны от избытка».

Я зевнул и усмехнулся…
Так и есть: из-за палатки
Вышел хлыщ в трико гранатном,
Вскинул острые лопатки.
И ему навстречу дева
Приняла такую позу,
Что из трубки, поперхнувшись,

Я глотнул двойную дозу...

1932

Сергей Есенин
1895–1925

«Заметался пожар голубой...»

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,

Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали…
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

«Ты такая ж простая, как все...»

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:

С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

1923

«Пускай ты выпита другим...»

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,

Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

«Дорогая, сядем рядом...»

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осенье,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат

Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада…
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923

«Ты прохладой меня не мучай…»

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески – в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.

Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвесть.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески – в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,

Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была…
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

«Я помню, любимая, помню…»

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос…
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней…
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,

Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

1925

«Ты плакала в вечерней тишине…»

Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упадали,
И было тяжело и так печально мне,
И все же мы друг друга не поняли.

Умчалась ты в далекие края,
И все мечты увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.

И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.

1912

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

1916

«Ты ушла и ко мне не вернешься…»

Ты ушла и ко мне не вернешься,
Позабыла ты мой уголок
И теперь ты другому смеешься,
Укрываясь в белый платок.

Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит.

1915

Моей Царевне

Я плакал на заре, когда померкли дали,
Когда стелила ночь росистую постель,
И с шепотом волны рыданья замирали,
И где-то вдалеке им вторила свирель.
Сказала мне волна: «Напрасно мы тоскуем», —
И, сбросив свой покров, зарылась в берега,
А бледный серп луны холодным поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в жемчуга.
И я принес тебе, царевне ясноокой,
Кораллы слез моих печали одинокой
И нежную вуаль из пенности волны.
Но сердце хмельное любви моей не радо...
Отдай же мне за все, чего тебе не надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй луны.

1915

«Пой же, пой. На проклятой гитаре…»

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои вполукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну.

Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углу прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кровать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер…
Не умру я, мой друг, никогда.

1922

«Сыпь, гармоника! Скука… скука…»

Сыпь, гармоника! Скука… Скука…
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Или в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,

Немало вас.
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче
То здесь, то там.
Я с собой не покончу.
Иди к чертям.

К вашей своре собачей
Пора простыть.
Дорогая… я плачу…
Прости… Прости…

1923

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий…

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.
Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности

И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.
Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,

Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

«Ты сказала, что Саади...»

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

1924

«Никогда я не был на Босфоре...»

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

1924

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —

Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

1925

«Не криви улыбку, руки теребя...»

Не криви улыбку, руки теребя, —
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

1925

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий

На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

1925

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.

1925

«Руки милой, пара лебедей…»

Руки милой – пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

1925

«Глупое сердце, не бейся...»

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети.
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны.
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

1925

«Ну целуй меня, целуй...»

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать так умирать!

До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

«Голубая кофта. Синие глаза...»

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

1925

«Самые лучшие минуты...»

Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее взоры, как синие дверцы,
В них любовь моя,
в них и сердце.

1925

Кто я?

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Перстень счастья ищущий во мгле,
Эту жизнь живу я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навеки»,
А в уме всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Ни желать, ни требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную

И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляну.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

1925

«Не гляди на меня с упреком...»

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза – голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,

Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную лаской ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1925

Владимир Маяковский
1893–1930

Лиличка!
Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,

отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.

Если быка трудом уморят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном

песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...

Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

1916

Отношение к барышне

Этот вечер решал —
не в любовники выйти ль нам? —
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
«Страсти крут обрыв —
будьте добры,
отойдите.
Отойдите,
будьте добры».

1920

Люблю

ОБЫКНОВЕННО ТАК

Любовь любому рожденному дадена, —
но между служб,
доходов
и прочего
со дня на день
очерствевает сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело – рубаха.
Но и этого мало!
Один —
идиот! —
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.
Под старость спохватятся.
Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.

Морщинами множится кожица.
Любовь поцветет,
поцветет —
и скукожится.

МАЛЬЧИШКОЙ

Я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людье
трудами муштровано.
А я —
убег на берег Риона
и шлялся,
ни черта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатьем под забором в «три листика».
Без груза рубах,
без башмачного груза

жарился в кутаисском зное.
Вворачивал солнцу то спину,
то пузо —
пока под ложечкой не заноет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже —
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место —
и мне,
и реке,
и стоверстым скалам?!»

ЮНОШЕЙ

Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.

Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что вышишь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего, мол, стоют лученышки эти?»
А я

за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы – все на свете.

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Французский знаете.
Делите.
Множите.
Склоняете чудно.
Ну и склоняйте!
Скажите —
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человечий
чуть только вывелся —
за книжки рукой,
за тетрадные дести.
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкорнав,

ободрав ее, —
учат.
И вся она – с крохотный глобус.
А я
боками учил географию, —
недаром же
наземь
ночевкой хлопаюсь!
Мутят Иловайских больные вопросы:
– Была ль рыжа борода Барбароссы? —
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я —
любая в Москве мне известна история!
Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть), —
фамилья ж против,
скулит родовая.
Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.

Научатся,
сядут —
чтоб нравиться даме,
мыслишки звякают лбенками медненькими.
А я
говорил
с одними домами.
Одни водокачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши – что брошу в уши я.
А после
о ночи
и друг о друге
трещали,
язык ворочая – флюгер.

ВЗРОСЛОЕ

У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.

А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстною площадью лежа.
Враспашку —
сердце почти что снаружи —
себя открываю и солнцу и луже.

Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен.
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди – любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.
О, сколько их,
одних только весен,
за 20 лет в распаленного ввалено!
Их груз нерастраченный – просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,
а буквально.

ЧТО ВЫШЛО

Больше чем можно,
больше чем надо —
будто
поэтовым бредом во сне навис —

комок сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
Под ношей
ноги
шагали шатко —
ты знаешь,
я же
ладно слажен, —
и все же
тащусь сердечным придатком,
плеч подгибая косую сажень.
Взбухаю стихов молоком
– и не вылиться —
некуда, кажется – полнится заново.
Я вытомлен лирикой —
мира кормилица,
гипербола
праобраза Мопассанова.

ЗОВУ

Поднял силачом,

понес акробатом.
Как избирателей сзывают на митинг,
как села
в пожар
созывают набатом —
я звал:
«А вот оно!
Вот!
Возьмите!»
Когда
такая махина ахала —
не глядя,
пылью,
грязью,
сугробом, —
дамье
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,
нам вроде танго бы...»
Нести не могу —
и несу мою ношу.

Хочу ее бросить —
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат ребровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.

ТЫ

Пришла —
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —
где дама вкопалась,
а где девица.

«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его —
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.

НЕВОЗМОЖНО

Один не смогу —
не снесу рояля
(тем более —
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.

Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватит —
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя —
богатством в железо —
запрятал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.

ТАК И СО МНОЙ

Флоты – и то стекаются в гавани.
Поезд – и то к вокзалу гонит.

Ну а меня к тебе и подавней —
я же люблю! —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, —
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,

еле расстались,
развиделись еле.

ВЫВОД

Не смоют любовь
ни ссоры,
ни версты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемля торжественно стих строкоперстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!

1926

Вместо оды

Мне б хотелось
вас
воспеть
во вдохновенной оде,
только ода
что-то не выходит.

Скольким идеалам
смерть на кухне
и под одеялом!
Моя знакомая —
женщина как женщина,
оглохшая
от примусов пыхтения
и ухания,
баба советская,
в загсе венчанная,
самая передовая
на общей кухне.
Хранит она

в складах лучших дат
замужество
с парнем среднего ростца;
еще не партиец,
но уже кандидат,
самый красивый
из местных письмоносцев.
Баба сердитая,
видно сразу,
потому что сожитель ейный
огромный синяк
в дополнение к глазу
приставил,
придя из питейной.
И шипит она,
выгнав мужа вон:
– Я
ему
покажу советский закон!
Вымою только
последнюю из посуд —
и прямо в милицию,

прямо в суд... —
Домыла.
Перед взятием
последнего рубежа
звонок
по кухне
рассыпался, дребезжа.
Открыла.
Расцвели миллионы почек,
высохла
по-весеннему
слезная лужа...
– Его почерк!
письмо от мужа. —
Письмо раскаленное —
не пишет,
а пышет.
«Вы моя душка,
и ангел
вы.
Простите великодушно!
Я буду тише

воды
и ниже травы».
Рассиялся глаз,
оплывший набок.
Слово ласковое —
мастер
дивных див.
И опять
за примусами баба,
все поняв
и все простив.
А уже
циркуля письмоносца
за новой юбкой
по улицам носятся;
раскручивая язык
витиеватой лентой,
шепчет
какой-то
охаживаемой Вере:
– Я за положительность
и против инцидентов,

которые
вредят
служебной карьере. —
Неделя покоя,
но больше
никак
не прожить
без мата и синяка.
Неделя —
и снова счастья нету,
задрались,
едва в пивнушке побыли…
Вот оно —
семейное
«перпетуум
мобиле».
И вновь
разговоры,
и суд, и «треть»
на много часов
и недель,
и нет решимости

пересмотреть
семейственную канитель.
Я
напыщенным словам
всегдашний враг,
и, не растекаясь одами
к восьмому марта,
я хочу,
чтоб кончилась
такая помесь драк,
пьянства,
лжи,
романтики
и мата.

1927

Письмо Татьяне Яковлевой

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром

ругней
в небесной драме, —
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, —
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.

Ревность,
жены,
слезы...
ну их! —
вспухнут вехи,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста мильонам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны —

спортом
выпрямишь не многих, —
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших

и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

1928

Осип Мандельштам
1891–1938

«Мне жалко, что теперь зима...»

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода;
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.

Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать: самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,

Он побелел, он изнемог.
И все-таки еще немножко…

И право, не твоя вина, —
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада.
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута,
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

1920

«Мастерица виноватых взоров...»

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч!
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры: на, возьми!
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.

Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный.
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?..

Не серчай, турчанка дорогая:
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,

Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария, – гибнущим подмога,
Надо смерть предупредить – уснуть.
Я стою у твердого порога.
Уходи, уйди, еще побудь.

1934

«Твоим узким плечам под бичами краснеть...»

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком да кровавым песком...

Ну, а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

1934

Игорь Северянин
1887–1941

«И она умерла молодой...»

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.

Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем – островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог,

Спит и видит сквозь землю – насквозь, —
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось, —
И она умерла молодой».

Этот, грезой молящийся, – кто?

Он певал ли с почившей дуэт?
Сколько весен душой прожито?
Он поэт! Он поэт! Он поэт!

Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Мирра в старости зрила врага —
И она умерла молодой.

1909

Эксцессерка

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет…
Отчего-то шепнула: «А если?..»
И лицо окунула в букет.

У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули, – их вздох витьеват.
Я не видел кузины в кузине,
И едва ли я в том виноват…

Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком…
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком…

И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль, —

Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокося твой спелый июль…

1912

«Она, никем не заменимая…»

Посв. Ф.М.Л.

Она, никем не заменимая,
Она, никем не превзойденная,
Так неразлюбчиво-любимая,
Так неразборчиво влюбленная,

Она вся свежесть призаливная,
Она, моряна с далей севера,
Как диво истинное, дивная,
Меня избрав, в меня поверила.

И обязала необязанно
Своею верою восторженной,
Чтоб все душой ей было сказано,
Отторгнувшею и отторженной.

И оттого лишь к ней коронная
Во мне любовь неопалимая,
К ней, кто никем не превзойденная,
К ней, кто никем не заменимая!

1929

Орхидея

Изменить бы! Кому? Ах, не все ли равно!
Предыдущему. Каждому. Ясно.
С кем? И это неважно. На свете одно
Изменяющееся прекрасно.

Одному отдаваясь, мечтать о другом —
Неиспробованном, невкушенном,
Незнакомом вчера, кто сегодня знаком
И прикинется завтра влюбленным...

Изменить – и во что бы ни стало, да так,
Чтоб почувствовать эту измену!
В этом скверного нет. Это просто пустяк.
Точно новое платье надену.

И при этом возлюбленных так обмануть,
Ревность так усыпить в них умело,

Чтобы косо они не посмели взглянуть, —
Я же прямо в глаза бы посмела!

Наглость, холод и ложь – в этом сущность моя.
На страданья ответом мой хохот.
Я красива, скользка и подла, как змея,
И бездушно-суха, как эпоха.

1928

Отличной от других

Ты совсем не похожа на женщин других:

У тебя в меру длинные платья,

У тебя выразительный, сдержанный смех

И выскальзыванье из объятья.

Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей

И волос не стрижешь в жертву моде.

Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,

Кто его заменяет в природе.

Ты способна и в сахаре выискать «соль»,

Фразу – в только намекнутом слове…

Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль,

Стилистический шарм в Гумилеве.

Для тебя, для гурманки стиха, острота

Сологубовского триолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.

А в глазах оздоравливающих твоих —
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою.

1927

Колыбель женственности

У женщины должен быть лунный характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна,
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна...

И ревность должна ее быть невесомой,
И верность должна ее быть, как гранит.
О, к ласковой, чуткой, влекуще-влекомой
Мужчина всегда интерес сохранит.

За женственность будет любить голубую,
За желтые, синие солнышки глаз.
Ах, можно ли женщину бросить такую,
Которая всячески радует вас?!

1935

Маленькая женщина

Маленькая женщина с крупными глазами,

Вы во всем случившемся виноваты сами.

Разве интересною можно быть такою

И в глаза заглядывать с вкрадчивой тоскою?

Обладать раздумчивой шелковой походкой?

Быть всегда приманчиво-обреченно-кроткой?

Так картавить ласково, нежно и наивно

Самое обычное необычно – дивно?

Все о Вас я думаю, мысленно лаская,

Маленькая женщина, славная такая.

Да и как не думать мне, посудите сами,

Маленькая женщина с теплыми глазами?..

Поэза тебе

Ни с кем сравнить тебя нельзя:
Сама ты по себе.
К тебе по лилиям стезя.
Молиться бы тебе!
Тебя ни с кем нельзя сравнить:
Ты лучше, чем мечта!
Тобой дышать, тебя любить,
Святить твои уста.
Сравнить нельзя ни с кем тебя:
Ты – женщина, а те,
Кого, вводя в обман себя,
Так звал, – барьер к мечте!..
Нельзя сравнить тебя ни с кем —
Ни на земле, ни вне…
Твоею музыкой я нем, —
То смерть пришла ко мне!